

в XVI в. Наблюдения над приписками на рукописях показывают, что рост библиотеки в XVI в. в значительной мере определялся вкладами. В библиотеку Троице-Сергиевой лавры в XVI в. делается большое количество вкладов, в нее вливаются такие крупные частные собрания, как собрания книг митрополита Иоасафа и Серапиона Курцева, вклады делают влиятельные лица начиная с самого великого князя. Из 495 рукописей XVI в. не менее 120 попало в библиотеку Троицкого монастыря как вклады.

Содержание рукописей, которые поступали в библиотеку как вклады, не определялось потребностями монастырской жизни и не отражало вкусов и запросов отдельных обитателей монастыря. Такое пополнение библиотеки вносило некоторый элемент случайности. Так, например, такой крупный памятник, как Иоасафовская летопись не отражает истории ведения летописного дела в этом монастыре в XVI в., она не была написана в монастыре, а была передана туда вместе с другими рукописями Иоасафа. Если в XV в. Троице-Сергиева лавра была одним из главных центров распространения книжности, то в XVI в. она уже не имела такого решающего значения в собирании и распространении новых произведений, связанных с идейным течением своего времени. Конечно, здесь и в XVI в. продолжалась книгописная деятельность, сохранились многие имена писцов. Видное место в организации книгописания и в покровительстве литературной работе в середине XVI в. занимал келарь Андриан Ангелов, который и сам занимался литературной деятельностью.¹⁰⁴ Тем не менее в Троице-Сергиевой лавре в XVI в. собиранием и переписыванием литературных произведений почти не занимались.

Относительно Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. можно утверждать как раз обратное. Изучение волоколамских рукописей, в которых имеются повести, показывает, что все списки этих повестей тесно связаны с жизнедеятельностью Волоколамского монастыря, все они были переписаны именно в этом монастыре, и появление их здесь связано не только со вкусами какого-либо одного из монахов, а с общим направлением книгописной деятельности монастыря. Тексты повестей переписываются в монастыре от списка к списку, владельцами этих рукописей являются влиятельные лица монастыря и видные церковные деятели. Так, ранний список Повести о Евстратии-Велизарии переписан известным волоколамским старцем Фотием, учеником Кассиана Босого. Встречается эта повесть в рукописях Нифонта Кормилидина, Андрея Исакова — ученика Дионисия Звенигородского, Ефимия Туркова. Кроме того, переписана она в рукописи, в которой имеется запись: «Книгу сию чел по благословиению игумена Иоасафа Василий Курицын» (игуменом Волоколамского монастыря Иоасаф был с 1590 по 1592 г.).

Относительно «Сказания о смерти некоего мистра философа» можно даже предполагать, что перевод этого произведения с польского был сделан в Волоколамском монастыре. Об этом говорит редакторская правка на волоколамской рукописи, которая потом попала в более поздние списки повести.¹⁰⁵

«Прение живота и смерти» в Волоколамском монастыре было переписано в трех редакциях, причем есть основания предполагать, что некото-

¹⁰⁴ См.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, VI, М., 1958, стр. 241—242.

¹⁰⁵ См.: Р. П. Дмитриева. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью». — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 309, 316.